

Глава 21

Слишком вольное обращение

Хань Минь поправлялся вместе с Редискоголовым, на несколько дней обосновавшись во дворце Фунин.

В часы досуга он вместе с Вэнь Янем трудился над правками к докладу — Фу Сюнь намеревался использовать это прошение как первый сокрушительный удар, чтобы низвергнуть принца Гуна, Фу Цюаня.

Этот документ должен был стать авангардом, манифестом, обращенным ко всему миру и ко всем чинам Поднебесной. Через него новый император являл свою волю и утверждал власть, а потому каждое слово в нём имело исключительный вес.

Иногда Минь помогал государю просматривать и другие свитки, но тот доверял ему лишь дела второстепенные. К по-настоящему важным государственным бумагам юноша прикасаться не смел.

Этим утром в кабинете Фу Сюнь, склонившись над столом, перебирал донесения. Хань Миня всё еще одолевала сонливость; подперев голову рукой, он рассеянно замер, подолгу вглядываясь в одну и ту же строчку.

Их столы стояли совсем рядом. Второй молодой господин Хань сидел чуть ниже императора — Фу Сюню стоило лишь протянуть ладонь, чтобы коснуться его.

Пока юноша витал в облаках, кто-то внезапно дернул его за ленту, скреплявшую волосы.

Минь инстинктивно вскинул руку, перехватывая чужие пальцы:

— Эй!

Слова уже готовы были сорваться с его губ, когда он вовремя спохватился: это не академия, и человек, посмевшийся тянуть его за волосы, — император.

Хань Минь обернулся, бросил на государя быстрый взгляд и поспешно отдернул руку.

Фу Сюнь и впрямь не стеснялся: развязав ленту, он принялся задумчиво наматывать шелк на пальцы, играя с ним, совсем как в прежние времена.

— О чём задумался?

— О Тунчжоу, — Минь переменял руку, подпирая щеку, и тяжело вздохнул. — Там остались старики да дети. Хоть двоюродный брат и приглядывает за ними, но разве он заменит меня? Не знаю, пьет ли дедушка свой настой, не стало ли хуже ногам старшего брата...

Он снова вздохнул и умолк, не в силах продолжать.

Император вдруг произнес:

— Когда разберемся с Фу Цюанем, заберешь их в столицу.

Минь обронил это вскользь, не ожидая столь прямого ответа. Он опустил руку и в изумлении воззрился на собеседника:

— Правда?

— Правда, — кивнул Фу Сюнь. — Однако...

— М-м?

— Прежний император только недавно скончался, я не могу немедленно оправдать твою семью.

— С этим можно не спешить, — улыбнулся Хань Минь, но тут же вспомнил о другом, и улыбка его медленно угасла. — А как мне остаться в Юньане? Стать евнухом?

Бог весть, почему ему в голову пришла такая мысль.

Фу Сюнь тихо рассмеялся:

— И кем же ты хочешь быть?

— Я? — Хань Минь ответил честно. — Изначально я хотел сдать экзамены и уехать в Янчжоу, служить там чжубу.

— Должность чжубу слишком ничтожна для тебя. Подумай еще раз: чего бы тебе хотелось?

Юноша погрузился в раздумья.

Он не знал, есть ли у Фу Сюня готовое решение, и не боялся ли тот, что его амбиции окажутся чрезмерными. Юноша решил довериться велению сердца.

— Я думаю о том, как мой дедушка служил историографом в Ланьтае, составляя летопись государства...

— Я тоже считаю, что место историографа тебе подойдет.

Сердце Хань Миня затрепетало. Неужели Фу Сюнь вот так просто исполнит его желание?

Но государь продолжил:

— Должность цзюйлана, ведущего записи о деяниях императора, весьма неплоха.

Лицо Миня окаменело:

— А?

При дворе историографы делились на два толка.

Первые трудились в историческом архиве Шигуань, составляя официальную летопись династии. Дедушка Хань Миня более десяти лет прослужил там простым переписчиком, пока не прославился, поднеся свой труд императору, после чего стал тайшилином и возглавил всё ведомство.

Вторые же звались цзюйланами.

Цзюйлан обязан был присутствовать на каждом приеме во дворце и сопровождать государя во всех его поездках. О чём бы ни вещал монарх, какие бы указы ни издавал — кисть историографа должна была беспристрастно запечатлеть каждый шаг.

Проще говоря, это был человек, который тенью следовал за императором день и ночь.

Фу Сюнь бросил на него мимолетный взгляд:

— Что такое? Ты не согласен?

Хань Минь напустил на себя серьезный вид.

Дело было не в нежелании — ранги у обоих видов историографов были равны. Смущало лишь

одно: цзюйлану приходилось неотлучно находиться при государе.

Вспомнив все их былые драки и то, как император только что бессовестно дергал его за ленту, Минь в глубине души пришел к выводу, что он, пожалуй, не самый подходящий человек для этой службы.

Заметив его замешательство, Фу Сюнь, видимо, принял это за робость и мягко подбодрил:

— Не бойся, ты будешь таким же цзюйланом, как и прочие. Я не стану... делать с тобой ничего предосудительного.

Последние слова он произнес совсем тихо, но Хань Минь расслышал их отчетливо. В его ушах это прозвучало как завуалированное обещание Фу Сюня отомстить за все детские тумачи.

«Ничего предосудительного»

Ложь, чистой воды ложь!

Но служба при дворе — дело непростое. Юноша коснулся кончика носа и решился.

«Ладно, хочешь драться — давай. В крайнем случае, я просто перестану давать сдачи и буду смиренно сносить удары»

Похоже, быть цзюйланом шестого ранга — задача не из легких.

Хань Минь склонил голову и едва слышно ответил:

— Ваш подданный во всём полагается на волю Вашего Величества.

Видя его покорность и кроткий вид, Фу Сюнь пришел в превосходное расположение духа и легонько ущипнул его за щеку.

Минь не поднимал головы, бледнея от боли.

«Началось. Он уже сводит счеты. Ох, и зачем я только задираю его в детстве? Каюсь, горько каюсь...»

Государь отнял руку и спустя мгновение что-то водрузил ему на макушку. Хань Минь сидел, боясь шелохнуться, чтобы не уронить подношение.

В этот момент маленький евнух снаружи доложил:

— Ваше Величество, господин Вэнь снова прибыл.

Вэнь Янь распахнул двери и, увидев картину в кабинете, едва не лишился чувств.

Он отвесил глубокий поклон и с сокрушением произнес:

— Ваше Величество, кабинет — место священное и тихое, а в наружном зале еще висит портрет государя Дэцзуна. Подобное легкомыслие здесь неуместно и лишь унижает достоинство господина Ханя.

Фу Сюнь остался совершенно невозмутим, лишь легкая улыбка тронула его губы:

— В период траура во дворце не устраивают пиров. Но если в обычные дни дифэнь люйцзинь хуа считаются знаком монаршей милости, то почему этот цветок не может быть таковым? Я бы и вовсе хотел украсить его чем-нибудь иным.

Минь не совсем понял смысл его слов, но стоило ему качнуть головой, как синий лоскуток упал ему на колени.

Юноша вздрогнул. Это была его собственная лента, которую Фу Сюнь наспех скрутил в подобие цветка.

Упомянутые государем цветы дифэнь люйцзинь хуа были искусной работой дворцовых мастериц, сплетенной из тончайших золотых нитей. На торжественных приемах император в знак особого расположения лично прикалывал их к головным уборам подданных.

В ночи после празднеств середины осени или кануна Нового года, когда лунный свет заливал столицу, чиновники разъезжались по домам верхом на конях, красуясь цветами на шапках — то было одно из самых изысканных зрелищ Юньаня.

Хань Минь мысленно воззвал к Системе.

«Система, напомни, не надевал ли Лю Бэй из "Троецарствия" цветов... А, впрочем, в те времена еще не было такого обычая»

Он смотрел на свою ленту, погружившись в раздумья. Сердце этого «неправильного литератора» против воли предательски затрепетало.

Фу Сюнь забрал ленту из его рук, расправил складки импровизированного цветка и, аккуратно

разгладив шелк, вернул владельцу.

Затем он перевел ледяной взгляд на Вэнь Яня:

— Вэнь Янь, в последнее время ты слишком много на себя берешь. Я назначил тебя цензором, а не главным евнухом.

Цензор застыл, и лицо его изменилось.

Минь, собиравшийся повязать волосы, замер. Вот уж воистину: близость государя — что близость тигра. Только что он улыбался, а стоило прозвучать одной фразе, как всё переменялось.

Юноша хотел было осторожно вмешаться, но как раз в этот момент вошел евнух Ян с подносом чая, а за ним следовал юный слуга.

Слуга был бледен лицом и незнаком Хань Миню. Ян, разумеется, тоже слышал слова императора и, заметив, что юноша собирается заговорить, поспешил вставить слово сам, дабы тот не разгневал Фу Сюня.

— Ну что вы, Ваше Величество. Старый слуга уже пообещал своему ученику, что когда сам покинет дворец, то выхлопочет ему место главного евнуха. Так что господин Вэнь опоздал.

Молодой евнух, не проронив ни слова, следовал за наставником и подал чай Хань Миню.

Фу Сюнь хотел было добавить что-то еще, но заметил, что Минь о чём-то шепчется со слугой.

Юноша тихонько спросил:

— Ты ученик евнуха Яна? Как тебя зовут?

Тот склонил голову и смиренно ответил:

— Имя этого ничтожного — Ян Мянью.

— Ян Мянью?

— Имя запомнить непросто, господин может звать меня Сяо Цзицзы — Кусочек теста.

Хань Минь опешил:

— Кусочек теста?

— Как от большого кома отщипывают маленький кусочек теста — так и я перед вами.

Минь не сдержал улыбки:

— Забавно. Сам придумал?

— Так точно, — отозвался Сяо Цзицзы. — Раньше я служил на кухне.

Фу Сюнь и без того подумывал найти Хань Миню толковых слуг, а увидев, что этот малый пришелся тому по душе, едва заметно вскинул бровь.

— Раз забавно — пусть остается, — бросил он юноше.

Тот не успел даже возразить, как император обратился к Сяо Цзицзы:

— Отныне будешь при господине Хане.

Сяо Цзицзы поспешно пал ниц, выражая благодарность. Он видел, что Минь не горит желанием принимать его, но... если благодарить достаточно быстро, у господина просто не останется возможности отказать. Проведя во дворце немало времени, он в совершенстве овладел искусством ловить момент.

Утро выдалось для Хань Миня урожайным. Обещание вернуть семью в столицу. Посул должности цзюйлана. И в придачу — Сяо Цзицзы.

Юноша почувствовал, что в этом году удача явно на его стороне.

Спустя несколько дней наступила третья седмица со дня кончины прежнего императора. По обычаю, все члены императорской семьи должны были бодрствовать у гроба в дворце Фэнцянъ.

С тех пор как Хань Минь прибыл в Юнъань, пятый принц Фу Жан не раз порывался навестить его в покоях Фуин, но Фу Сюнь неизменно отказывал, боясь, что брат потревожит покой больного.

Фу Жан был крайне недоволен. Он помнил, что именно он первым увидел Миня у ворот дворца и самолично принес его обратно. Раз он его принес, то почему ему нельзя на него смотреть?

Минь ведь не из нефрита выточен и не из снега слеппен — неужто рассыплется от одного взгляда?

Поэтому, едва прибыв во дворец для поминовения, Фу Жан первым же делом отправил юноше весточку, прося выкроить время для встречи.

К вечеру, решив, что час настал, Хань Минь накинул верхнюю одежду и в сопровождении Сяо Цзицзы отправился на встречу.

Они шли по дворцовым аллеям. Слуга поначалу думал, что ему придется указывать дорогу, но к его удивлению, Минь ориентировался в переходах куда лучше него.

— В детстве мы часто играли здесь в прятки, — пояснил Хань Минь.

Воспоминания нахлынули на него, и он не удержался от подробностей:

— Я обычно прятался на той высокой башне возле дворца Фэнцян. Государь прятаться не любил, он всегда был водящим. А с пятым принцем, Фу Жаном, всегда было весело. Как-то раз он повис на стене и не мог слезть, но из гордости запретил нам звать на помощь — боялся, что засмеют.

— И что же было потом? — спросил Сяо Цзицзы.

Минь улыбнулся:

— Потом пришел дедушка Дэцзун и снял его. Вот только за спиной у государя стояли все гражданские и военные чины. После этого Фу Жан несколько дней носа на улицу не совал.

Едва они добрались до места, как со спины подошел Фу Жан и хлопнул Миня по плечу.

— Хань Минь!

Тот обернулся и отвесил поклон:

— Пятый принц.

Фу Жан отмахнулся:

— К чему эта официальность? Зови по имени, как раньше.

Мать Фу Жана, наложница Хуэй, происходила из северных племен, и в облике принца ясно читалась кровь кочевников. Глубоко посаженные глаза, высокая переносица, широкие плечи. На его руке темнела татуировка в виде волчьего клыка.

Когда-то они вместе бродили по рынку кочевников. Юный и горячий Фу Жан во всеуслышание заявил, что набьет себе волка во всю мощь, но едва мастер успел вывести половину клыка, как принц вцепился в Хань Миня и с плачем закричал, что больше не хочет и желает немедленно домой.

Тот самый клык появился лишь потому, что Минь счел огрызок зуба слишком уродливым и силой удерживал друга, пока мастер не закончил работу.

Стоило Фу Жану нахмуриться, как он принимал весьма величественный вид. Однако характером он пошел в мать и всегда оставался приветливым и мягким.

Нрав его очаровывал всех; даже покойный император перед смертью более всего благоволил именно этому сыну.

Хань Минь улыбнулся:

— Давно не виделись.

Принц вытащил откуда-то увесистый сверток с гнездами ласточек и женьшенем, пытаясь всучить его другу:

— Возьми, подкрепи силы. Когда ты упал у ворот, я не на шутку перепугался...

Договорить он не успел — неподалеку раздался холодный, насмешливый голос:

— Еще несколько дней назад до меня дошли слухи, будто брат-император подобрал у ворот какую-то пташку. Мне всё недосуг было взглянуть на нее, а оказывается, это Второй молодой господин Хань из семьи Хань, что прежде возглавляла всех книжников.

Минь обернулся на звук и заметил на тыльной стороне правой кисти говорившего три глубоких следа от когтей сокола.

Заметив его взгляд, тот опустил голову, словно что-то вспомнив, и резко одернул рукав, скрывая шрамы.

— На днях одна тварь полоснула когтями. Пришлось ее прирезать — кровищи было море, жалкое зрелище.

Затем он добавил:

— Хань Минь, раз уж ты пригрелся у государя, к чему эти вольности и тайные подношения от других мужчин? Смотри, как бы не лишиться милости — не хотелось бы мне потом проливать слезы над твоей горькой долей.

<http://bllate.org/book/15310/1359516>